

4 БИРОБИДЖАНСКАЯ ЗВЕЗДА

НАШ КАЛЕНДАРЬ

ПЕСНЯ О ВЕТРЕ

К 80-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ЛУГОВСКОГО

«Итак, начинается песня
о ветре,
О ветре, обутом в
солдатские гетры...

Эти строки пришли с фронтов гражданской войны, по которым шел поэт Владимир Луговской. Боевая романтика тех лет стала истоком его творчества, и с первой книги «Спохохи», изданной в 1926 году, поэзия Луговского обратила на себя внимание силой языка и поэтической интонации.

Это было время становления советской поэзии, когда еще звучали голоса таких мастеров, как А. Блок и С. Есенин, В. Маяковский и Н. Асеев, И. Сельвинский и М. Светлов. Владимир Луговской пришел в поэзию и нашел в ней свое место. Константин Симонов вспомнит о Луговском: «Хорошо помню его тогдашнего — очень высокого, очень широкоплечего, с глубоко втянутым животом и выпирающей из пиджака грудью. Под пиджаком была надета глухая до горла тонкая черная фуфайка... Он был красивый и сильный». Луговской любил слово «ветер». В своей автобиографии

он писал: «Октябрь повернул и перевернул все мои мысли; заставил почти задохнуться ветром времени, и с тех пор слово «ветер» в моих стихах стало для меня синонимом революции, вечного движения вперед, неустойчивости, бодрой и радостной силы».

Современники поражались тембру его голоса, переходящего от шепота к грому и когда он говорил, и когда читал стихи, и когда пел. В его голосе клокотало, раскатывалось, гремело мужество.

Творческий путь Луговского был дорогой поисков. В книгах «Мускул» (1929 г.), «Страдания моих друзей» (1930 г.) поэт искал своего героя, шел к романтике строительства нового мира. Он много путешествовал, не просто описывал увиденное, но глубоко размышлял над ним. Так возникли циклы стихов «Европа», «Каспийское море», «Большевикам пустыни и весны». Тогда же, в тридцатые годы, в стихи Луговского вошла тема границы. Республики Средней Азии, Урал, Азербайджан, Дагестан, русский Север, страны Западной Европы — таковы маршруты многократных

путешествий поэта, щедро отразившихся в его книгах. Особенно любил Луговской Среднюю Азию. Его вдохновляла и своеобразная природа этого края, и экзотический быт, сочетавший густую культуру с отсталыми, зубными пережитками, и грандиозность социалистических перемен. Первое стихотворение «Большевикам пустыни и весны» определило содержание и название всех четырех книг о Средней Азии, созданных с 1931 по 1954 годы. Герой Луговского — «пустыню обуздавший большевик», один из тех, кто боролся с басмачами и баями, покорял дикую природу, строил электростанции.

В республике Средней Азии Владимир Луговской приехал вместе с Николаем Тихоновым. В книге «Двойная радуга» Тихонов вспоминает, что Володя Луговской «пришелся Туркмении в самый раз». Его романтический характер, его энергия, требовавшая большого движения, нашли здесь все, что требовалось для создания настоящих, живых, полнокровных стихов...

Луговской всем сердцем любил эту новую жизнь. Ра-

дость творчества, искрящаяся энергия наполняли его стихи. У него было замечательное понимание слова, он тонко ощущал звучание нашего русского смеха, с его ритмическим упоением, с многообразием тонов.

Луговской умел находить новые дарования и радовался их росту. И молодые поэты любили его. «Мы могли писать лучше или хуже, — вспоминает К. Симонов, — но ему нравились только те, в которых была сердцевина, и спасибо ему за это, потому что это многое определило в нашей поэтической жизни, да и не только поэтической».

Из всех своих книг Луговской особенно выделял сборник поэм «Середина века». До последнего дня он не расставался со своей заветной книгой, мечтал увидеть ее изданной. Она написана одним дыханием. «Эту книгу, — вспоминает поэт, — я писал с 1943 г., писал с мукой о судьбах своей страны, о судьбах революции». Она написана белым стихом, с применением некоторых новых для нашей поэзии приемов. Он назвал ее «Автобиографией века».

В последние годы поэт создает «Солнцеворот», где особенно сильно ощущается торжество жизни. В эту пору, незадолго до смерти Луговской написал книгу «Синяя весна». В ней как бы воскресает его молодость — курсантские годы, Смоленщина, ночная Москва, Знаменитую «Курсантскую венгерку» можно отнести к одним из самых лучших стихотворений о гражданской войне.

Ярость вечной молодости всегда находилась с ним. Молодость жила в нем до последних дней, даже когда болезнь сковала его, хотела вырвать из его рук перо, обездорожить... Как завещание новому поколению звучат строки из его поэмы «Середина века».

Дыхание молодости

слышит мир

Рожденный, чтоб вечно

обновляться.

Так будем вечно обновлять

его!

Луговскому 1 июля исполнилось бы 80 лет. Стихи его живут. И мы сегодня заново ощущаем эту высокую радость.

Г. РОМАНОВА,
директор межсоюзной
областной библиотеки
профсоюзов.